

Вера Сытник

Трезвон колоколов

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С95

C95 **Сытник В.**
Трезвон колоколов / Вера Сытник — М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию», 2021. — 124 с.

ISBN 978-5-00143-112-1

Основная мысль сборника заключается в простых словах: у каждого человека своя дорога к Богу. Кто-то приходит к вере естественно и легко, не испытывая сомнений, кто-то — мучительно долго, преодолевая невзгоды и страдания, а кто-то идёт к ней всю свою жизнь

ISBN 978-5-00143-112-1

© Lennex Corp, 2021
© В. Сытник, 2021

16+

Вера Сытник

Трезвон колоколов

Рассказы

Новокузнецк
«Союз писателей»
2019

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)
С95

Сытник, Вера Владимировна.
С95 Трезвон колоколов: рассказы / В. В. Сытник. — Новокузнецк:
Союз писателей, 2019. — 124 с.
ISBN 978-5-00143-112-1

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Литературно-художественное издание
16+

Сытник Вера Владимировна
ТРЕЗВОН КОЛОКОЛОВ
Рассказы

Корректор: *Екатерина Думова*
Технический редактор: *Сергей Чалый*
Верстальщик: *Марина Дьяченко*
Обложка: *Алиса Дьяченко*

E-mail: mail@izdat-kniga.ru; Сайт: www.soyuz-pisatelei.ru
Оптово-розничная сеть #КНИГА: www.knigi-market.ru

Подписано в печать 14.05.2019. Формат А5. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ № 11865. Гарнитура «Times New Roman».

Издательство «Союз писателей»
654063, г. Новокузнецк, ул. Рудокопровая, 30, корп. 4.
тел. 8-913-429-2503, 8-800-301-2620, 8 (3843) 32-80-81
Отпечатано в типографии издательства «Союз писателей».

Любое использование материала данной книги, полностью или
частично, без разрешения правообладателей запрещается

ISBN 978-5-00143-112-1

© Сытник В. В., текст, 2019
© Издательство «Союз писателей»,
оформление, 2019
© ИП Суховейко Д. А., 2019

Сытник Вера Владимировна, писатель, публицист. Родилась на Дальнем Востоке, детство провела в Забайкалье, юность — в Сибири. Окончила Омский государственный университет (факультет филологии), преподавала в школах русский язык, литературу, мировую художественную культуру, имеет звание «Учитель года». Живёт и работает в Китае. Дважды финалист конкурса «Славянские традиции», финалист конкурсов «Славянска лира», Лермонтовского конкурса (СРП), Шестого Международного конкурса «Корейчуковская премия». Дважды лауреат программы «Новые имена современной литературы» (издательство «СП», г. Новокузнецк). Победительница конкурса «Мой аленький цветочек» (РСПЛ). По результатам Международной премии журнала «Союз писателей» признана «Лучшим писателем года 2015». Номинант литературных конкурсов «Большая Премия» и «Ясная поляна». Автор романа «Гражданин Гр», шести сборников рассказов, сборника публицистики, пяти детских книг. Сборник «Пасхальные сказки, рассказы» удостоен диплома IX Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь», повесть «Наполняется душа благодатью» — Золотого диплома и специального приза «Дорога к храму» от Издательского Совета РПЦ на IX Международном Славянском литературном форуме «Золотой Витязь».

Троица

Никогда прежде и никогда после не испытывал такого ошеломляющего, пронзительного по силе влияния на воображение и такого внезапного чувства восторга, которое охватило меня, когда я, больше из любопытства, чем по движению души, заглянул в церковь, находясь по рабочим делам на юге Казахстана в городе Чимкент. Я только что уволился из армии и был полон любопытства к новой, «гражданской» жизни.

Знал про себя, что был крещён — у матери всегда висели иконки, но в церковь не ходил — не полагалось, не умел. В последние несколько лет моя жена стала интересоваться религией и зазывала меня с собой, и я ходил иногда, смотрел, как она ставит свечку, как крестится. Но не спрашивал ни о чём. Не думаю, что жена пошла в церковь из чувства стадности или следуя моде. Наверное, потянуло что-то своё, глубинное, личное. Но что именно — мне было непонятно.

Одним словом, сам не зная с какой целью, я забежал в церковь, будучи в Чимкенте. Может быть, просто спасался от жары, столь характерной для той местности, где довелось оказаться? Было начало лета, а на улице стояло градусов тридцать. Или всё же что-то дрогнуло в моей душе, когда увидел золотые кресты в небе? Они блестали, соревнуясь с солнцем, отражая его лучи, и будто растворились в них. Одни сияющие пятна в чистейшей голубизне!

Церковь была старинная, судя по крепким стенам, не высокая, с двумя серебристыми куполами пирамидальной и полусферической формы. Оба украшены луковками с крестами наверху. Луковки синего цвета, под стать церкви, а кресты золотые. При взгляде на них таким забытым русским духом вдруг на меня пахнуло! Дело в том, что тут, на юге края, особенно сильно ощущалось, что ты находишься

в Казахстане, в отличие от столицы, в которой все разговаривали на русском языке. Здесь же звучала одна только казахская речь, и лица вокруг были чужие.

Я прошёл через железные сетчатые ворота, взбежал на невысокое крыльцо, неумело перекрестился и зашёл в храм. Ух! Какой запах! Как будто в детство прыгнул! Прямо на луг, за родительский дом, где мальчишкой гонял мяч, бегая босиком по траве, пачкая ноги липким соком одуванчиков. Мне показалось, что я вернулся туда. Воздух в церкви был родным и знакомым. От цветов, украшающих иконы, шёл тихий запах поля; от берёз, расставленных вдоль стен, несло лесом; а высохшая трава, щедро разбросанная по всему полу, напомнила мне амбар за родительским домом. Всё смешалось с медовым запахом свечей. Воздух в церкви казался неправдоподобно густым, тяжёлым и очень праздничным. Радость разлилась в моём сердце. Появилось ощущение, что я попал в далёкое украинское село, где прошло моё детство — беззаботная счастливая пора!

В церкви было полно народу. Я поразился — почти одни казаки! Да какие бравые! Стоят плотными ровными рядами, как на параде, все одеты в новенькую форму — защитного цвета гимнастёрки, подпоясанные ремнём, и чёрные шаровары с яркими лампасами. От удалого вида военных что-то снова дрогнуло в моей душе. Диво дивное! Откуда? Ну да, конечно, — русское казачество по всей границе! Значит, живы ещё потомки настоящих казаков! Вот они, красавцы с широкими плечами и мощными затылками. Держат свечки и пытаются подпевать священнику. Между ними проходят люди с веточками в руках и бегают дети.

— Что за праздник? — спросил я престарелого деда, сидящего на табуретке у стены и опирающегося обеими руками на палку.

— Троица, сынок.

Я сразу вспомнил: «Троица — лес покроется», — говорила иногда мама. Так вот в какой день говорила она непонятные для меня в то время слова! Троица. Я купил свечку в палец толщиной (меньше почему-то не было) и понюхал её. Чистый мёд! Запах — как от сот, которые отец приносил с пасеки. Разламывал над глубокой тарелкой, которую мать ставила в центр стола, и призывал меня и брата смотреть, как мёд густо стекает вниз, постепенно наполняя тарелку душистым киселём — такого же золотисто-янтарного цвета, как и завлёкшие меня в церковь кресты...

— Куда можно поставить, отец? — снова спросил я деда. Он взглянул на меня.

— Нездешний? Путешествуешь? Ставь вот ему, — и указал на икону.

Я подошёл, с трудом прочитал на тёмных полях — скопее, догадался: «Николай-Угодник», — и удивился. Надо же! Николай — так звали моего отца. Перекрестился и, подтянувшись на носках, вдруг поцеловал икону.

9 июня 2012 г., Китай

Разделённая ноша

— Господи! Что делать?! Боже мой! Как же нам быть?!

Ольга металась по квартире, то бросаясь к телефону, то вдруг останавливаясь и сжимая голову руками, или падала в кресло и начинала плакать. Она сильно постарела за последние полгода: не стриглась, закалывая волосы «невидимками», не пользовалась губной помадой, накопила мешки под глазами. «Настоящая бабушка!» — однажды сказала семилетняя внучка — дочка старшего сына, — то ли радуясь, что родственница, которую она всегда звала по имени, стала похожа на бабушку, которой имя не нужно, то ли огорчаясь.

— Ну, к кому ты взываешь?! Чего ты ворпишь? — свирепо ответил Ольге её муж Анатолий, тоже осунувшийся и почерневший, — один нос на лице остался да огромные чёрные глаза, сверкающие гневно, с обидой. — Кто тебя услышит?! Не услышали люди, которые точно знают, что «дедовщина» в армии перехлестнула всё возможное и что нашего Ваньку подставили, лишь бы спасти очередного «сынка», за которого смогли заплатить! А кроме них — кто?! Кто может услышать? Точка! Не ори, не вопрошай! Дело сделано, не исправишь, суд окончен, Ваньку перевели в тюрьму! Три часа как отдыхает на казённых нарах. Спасибо, что не за тридевять земель упекли, а тут, под боком, за Владивостоком оставили.

— Но кто-то же, — Ольга подняла к потолку заплаканное серое лицо, — кто-то же должен нас слышать?! Как же жить, если никто не слышит?! Вата, пластилин кругом! Страшно! Толя!

— И этот «кто-то» там? — Анатолий мотнул головой вверх. Лицо его выражало сарказм, на какой мужчина только мог быть способен. — Так, что ли? Ха! Сильно он тебя

слышал, когда ты бегала по инстанциям, доказывая, что наш сын невиновен?! Или, может, он денег нам подкинул? Чтобы ты смогла заплатить судье?! Продажный трибунал! Парню три месяца осталось до дембеля! И вот... Сволочьё!

— Толя, Толя! Два года! За что?! За то, что мимо проходил и сказал: «Прекратите»? Наш Ваня? Боже мой! Он же ласковый, как котёнок!

— Не причитай! — сорвался Анатолий и, хлопнув дверью, убежал на балкон курить. Оттуда потянуло сорокаградусным морозом и табачным дымом. Накинув кофту, Ольга вышла к мужу и попросила сигаретку. Курила она редко, в компании, для удовольствия, но в последний месяц, пока бегали по судам и следствиям, пристрастилась и курила наравне с мужем, зло, жадно, не чувствуя крепости табака. Да, муж прав, они сделали всё, что было в их силах. Но Ваньку не спасли. Сегодня сын обедал уже в тюрьме. Посадили. Из-за чего? Во взводе произошла драка, с на-несением увечья. Кто-то кому-то руку сломал. Но Ванька-то! Он оторвал воротник гимнастёрки, когда кинулся разнимать дураков! Господи! Ну как же это всё понимать?! В голове не укладывалось! Душа не принимала такой несправедливости, хотелось куда-то бежать, что-то ломать, с кем-то ругаться.

Но обессиленная от длительных разборок, ставшая равнодушной к еде, к мужу, к работе, от которой взяла небольшой отпуск, к участливым подругам, которые продолжали интересоваться, как идут дела, Ольга ушла с балкона, не докурив сигарету, отключила телефон, легла на диван и крепко уснула. Она проспала трое суток, почти не просыпаясь. Изредка помнит, как Анатолий поил её водой, как пытался покормить, а она отнекивалась, с удовольствием возвращаясь в спасительный мрак, в котором было уютно и спокойно.

Первой мыслью, когда Ольга открыла глаза, чувствуя, что уже не в силах лежать на диване, было: «Господи! Как же я тебе буду молиться?! Ведь ни Ванька, ни я не крещёные! Хотя бы я... Может быть, услышишь?» Ей стало страшно, как в тот, самый первый день, когда им позвонили из части и сообщили о случившемся. Вспомнив лицо мужа, исказившееся от страха, и заново ощутив безумную тревогу в своей груди — что делать, где искать защиту? — Ольга содрогнулась. «Нет, нет, — подумала она, — так нельзя».

И, спрыгнув с дивана, стала торопливо собираться, объяснив Анатолию, увязавшемуся за ней, что надо ехать в церковь, узнать, можно ли окреститься в её-то пятидесятилетнем возрасте.

— К Богу прийти никогда не поздно, — ответил им батюшка — молоденький мужчина, с длинным хвостом чёрных волос, светлый лицом и по возрасту, наверное, чуть старше их Ваньки.

Он грустно покачал головой, услышав Ольгино, сквозь слёзы, признание: «Но ведь я ничего не знаю...» — и почему-то добавил: «Эх, Дальний Восток...»

Через неделю Ольга приняла крещение, исповедовалась и причастилась Христовых Таинств. Ничего в её жизни не изменилось. Она не стала ходить в церковь на службы — работа не позволяла, да и хлопоты о передачах в тюрьму отнимали много времени. Ольга не знала ни одной молитвы, кроме «Отче наш...», и вообще ничего не понимала ни в религии, ни в Боге. Но где-то в глубинах её исстрадавшейся души поселилась странная лёгкость, почти детское спокойствие, сравнимое с тем, что она испытывала, когда в детстве рассказывала матери про обиды, которые переставали быть обидами, стоило маме погладить дочку по голове. В жизнь тотчас возвращалась безмятежность. Так и сейчас — словно кто-то значительно сильнее и мудрее её взял на себя часть её

ноши, разделил её с ней, тем самым дав Ольге возможность дышать и думать о том, какие носки купить Ваньке, чтобы он не мёрз там, в тюрьме.

По совету священника она пробовала начать с сыном разговор о крещении, но Ванька рассердился. «Придумала! — и добавил более мягко, увидев, как опечалилось лицо Ольги: — Мамка, мне не нужно выделяться — засмеют». И она тогда решила, что всё возьмёт на себя. Будет молиться за двоих. О единственном: только бы Ваньке хватило здоровья, только бы Бог дал ему сил, спокойствия, чтобы пережить эти два года, только бы Он помог их сыну, лишь бы не ожесточилось юношеское сердце от несправедливой обиды. А там уж как выйдет, посмотрит, сам решит насчёт крещения-то. Священник сказал, что материнская молитва выше всего, что она многих спасала, пусть Ванька и некрещёный. «А ты молись, молись! — наказывал батюшка. — И Дух снизойдёт и на твоего сына». И Ольга молилась, день и ночь повторяя слова новой для себя, специально выученной для этого случая молитвы: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, святого апостола Твоего Петра...»

Через три месяца, когда все немного пришли в себя и привыкли, что Ванька в тюрьме, супруги узнали, что зачинщик драки снова попал в историю, более жёсткую, чем первая, и что по решению трибунала осуждён на пять лет и сослан куда-то в Сибирь. Ольга перепугалась, представив, что Ванька мог пройти мимо этой драки, ужас обнял её. Она заплакала, прижалась к мужу.

— Знаешь, а ведь мне совсем не радостно, что подонок наказан. Что наш Ванька отомщён. Почему? — недоумённо спросил Анатолий.

— Не знаю. В моей душе тоже не осталось места для ненависти — одна боль, — ответила Ольга. — Да и какое нам до него дело? Тратить на него свои внутренние силы!